

ВОЙНА ОДНА -
СУДЬБЫ РАЗНЫЕ

КОПЫТОВ
АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Современный культурный центр им. П.П. Булыгина»
Гороховецкого района Владимирской области

*Великой Победе
посвящается...*

Война одна — судьбы разные

КОПЫТОВ Алексей Васильевич

г. Гороховец
2023г.

**ББК Кр.83.3(2Рос-Рус)
К 65**

Копытов Алексей Васильевич // МБУК «СКЦ им. П.П. Булыгина». – Гороховец, 2023. – 12 с.: ил. – (Война одна – судьбы разные)

Сборник подготовлен по материалам, предоставленным Масловой Галиной Алексеевной. Фото из семейного архива.

Редактор: Бусько Л.В.

Компьютерная верстка, дизайн: Осипова В.А.

**Копытов Алексей Васильевич,
участник Великой Отечественной Войны 1941-1945 г.г.
(14 июля 1914 г. – 12 июня 1988 г.)**

Копытов А.В., 20 лет
13 июня 1934 г.

Справка: Копытов Алексей Васильевич. Родился 14 июля 1914 года в селе Мокеево Гороховецкого уезда. Воинское звание: сержант. Гражданская специальность: котельщик. Участник Финской и Великой Отечественной войн. Призван по мобилизации Гороховецким райвоенкоматом 01 июня 1942 г. С июня 1942 г. по сентябрь 1942 г. являлся курсантом 8-го учебного бронеполка. С октября 1942 г. по ноябрь 1943 г. служил водителем броневедомобиля в 30-м отдельном стрелковом батальоне. С ноября 1942 г. по октябрь 1945 г. был командиром отделения. Демобилизован 25 октября 1945 г.

Награды:

Медали: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Орден: «Отечественной войны» II степени. Умер 12 июня 1988 г.

**Воспоминания дочери Масловой Галины
Алексеевны (Копытовой Гали), чье детство пришлось
на годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.:**

Папа и мама (муж и жена).
Снимок – июль 1937 г. г. Ярославль.

Все дальше и дальше от нас война, а воспоминания о том далеком, непростом времени не стираются из памяти. Все чаще события тех лет приходят ко мне по ночам, тревожат, беспокоят, порой даже мучают. Как забыть! Ведь на войну пришлось мое горькое детство. И все равно, глядя с высоты прожитых лет, понимаю, что это лучшие годы. Тогда все еще было впереди: мы жили надеждой, верой, мечтами. Думали о счастье и наши родители. Но война, нежданно ворвавшаяся в их жизнь, растоптала надежды. Многие так и не оправались после потерь военных лет. А вот нашей семье повезло: мой папа вернулся с фронта живым, лишь с небольшими ранениями. Я родилась за год до войны и не помню ее начала, а вот как жили трудно и голодно с мамой, помню.

Мы жили в деревянном доме с мезонином на улице Ленинской (ранее Благовещенской) - именно так ее называли в то время. Это дом бывшего уездного врача Тукалло. Наша однокомнатная квартира располагалась на первом этаже. Два небольших окна выходили во двор. Между окнами стоял деревянный стол, накрытый вязаной скатертью с кистями, которые я так любила заплетать в косы, сидя под столом. Я играла там в куклу, сшитую для меня мамой. Лицо моей игрушки было тряпичное, и на нем карандашом нарисовали глаза, нос, губы. Очень хорошо мне запомнилась большая железная кровать в углу с грудой подушек, положенных одна на другую. Сверху этой мягкой горы мама водружала маленькую подушечку – думку. На кухонном столе сбоку был вбит с левой стороны гвоздь, на котором висели ремни – кожаный и брезентовый – для правки опасной бритвы. Ремни висели там, даже когда папа был на фронте. Любимым местом в маленькой комнате была печка, где готовилась нехитрая еда, где можно было согреться. Около печки стояла тяжелая деревянная скамейка, на которую ставился самовар. Помню большой сундук с вещами и деревянные табуретки. Дощатые полы не были застелены половиками. На стенах же комнаты во множестве висели фотографии. Именно в эту квартиру, в которой мы жили приблизительно до 1947 года, во второй половине дня осенью 45-го, в сумерках, и возвратился с войны мой папа. Дверь изнутри закрывалась на крючок, я, подставив табурет, сама впустила папу.

Маме приходилось много работать в войну на

Я и мама. Июль 1944 г.
г. Гороховец

складе заготовки капусты. И днем и ночью, в холодной воде, без сна и отдыха. Приходилось иногда брать с собой на работу и меня, совсем кроху. Я помню деревянный настил склада, где в бочках во множестве квасилась капуста. Меня сажали в деревянный ящик вместо коляски, а в руки давали куклу, вырезанную из морковки. Так я приобщалась к тяжелым женским будням.

На территории Гороховца в годы войны размещался эвакогоспиталь из города Ряжска Рязанской области. Некоторое время он находился в здании бывшей школы № 5. Я вспоминаю, как летом на зеленом склоне Гребенской горы рассаживались раненые, с повязками на головах, в серых халатах, широких рубахах, кальсонах, на костылях. Они садились на траву и устремляли взгляды на заклызьменские дали, курили самокрутки, тихо беседовали. Наверное, каждый думал о семье, о доме, о близких...

А еще помню, как зимой женщины и дети с санями отправлялись за Клязьму, чтобы набрать сухостоя на растопку печей. Вереница санных подвод, словно длинный поезд, растягивалась через весь мост. На подъеме крутого берега реки поезд останавливался. Дети и женщины рогатулинами подталкивали сани сзади, а впереди женщина-возница, согнувшись, поддерживая руками перекинутую через шею веревку, что есть мочи упиралась, не давая саням скатиться на лед. Наконец-то вползли вверх. Первые, вторые, третьи, и так далее, сани выстраиваются вплоть до рынка. Небольшая передышка, и возы плывут дальше по улицам города, каждый в свою сторону, по направлению к дому. Совсем уже смеркается. В домах зажигаются керосиновые лампы, электричество подадут позднее, после семнадцати часов. Все печурки забиты варешками, на печке сушатся одежда и валенки. Ребятишки и взрослые с нетерпением ждут, когда закипит самовар. Напьются чая, согреются, ночь пролетит – не заметишь, а завтра снова трудиться.

Тяготы военных лет, упавшие непомерным грузом на мамины плечи, скажутся потом, уже после войны, неимоверной болью в суставах, ломоте, болях в сердце.

Но папа вернулся, а значит, нет места тоске и грусти. Нам повезло! В нашем доме снова поселилось счастье! И только больно было смотреть в глаза соседкам, чьи мужья или сыновья не вернулись с фронта живыми.

В ноябре 1945 года папа был принят старшим инкассатором Гороховецкого отделения Государственного банка. В июле 1947 года ему было присвоено звание младшего советника финансовой службы второго ранга. В послевоенный период большую часть трудовой деятельности папа посвятил службе в Госбанке и работе на заводе подъемно-транспортного оборудования.

О войне папа не любил вспоминать, даже спустя много лет. Каждый раз в праздник 9 мая, до последних дней

Копытов Алексей Васильевич с другом и однополчанином Александром Сукма (Сашко), сгоревшим в танке, Польша, 13.12.1944 год

жизни, он горестно вздыхал, вспоминая своего фронтового друга Сашко, сгоревшего в танке. Прокручивая в памяти те далекие фронтовые дни, папа порою сам удивлялся, как можно было выжить в том аду. И лишь одна мысль угнетала моего любимого папу: «Не сберег я тебя, Сашко, не сберег...»

Как-то раз в разговоре со мной папа упомянул, что однажды ему стало по-настоящему страшно за нас с мамой, когда она пешком пришла к нему в Гороховецкие лагеря, где папа проходил переподготовку. Такой дальний и опасный путь мама проделала, неся меня, грудную, в перекинутом через плечо полотенце. Не побоялась – так хотелось увидеть мужа еще разочек! О родителях я вспоминаю с большой теплотой. Я никогда не слышала в семье брани, скандалов, грубых слов. Жили трудно, но добросовестно, уважали соседей, родных, много трудились.

В День Победы мама любила распахнуть окно и устремить взор на белоснежные склоны Пужаловой горы. От дурманящего цветения вишни кружилась голова, над городом звучала музыка духового оркестра, по центральной улице шли колонны на митинг – торжественные, нарядные. Лица у людей были счастливые. Было радостно, и так хотелось жить!

Я не хочу войны! Низкий поклон всем ветеранам войны и труженикам тыла, всем, кто ковал общую победу над врагом.

Копытов Алексей Васильевич

Стихи Г.А. Масловой

* * *

Посвящается отцу

Я родилась в февральский день,
В суровый день сорок второго года.
Над Родиной висела тень
И рокот злой фашистских самолетов.
Не слышал мой отец тот крик,
Мой первый детский крик – зов жизни,
Кричала я, и он кричал в тот миг:
- Вперед! За Сталина! И за Отчизну!
Мой первый шаг был не к отцу.
Не он меня поднял, когда упала,
А мама подвела к крыльцу...
Отцовской ласки я тогда не знала.
Не ведая, творится что кругом,
В своей кровати засыпала,
А мама тихим голоском
«Ночь темную», качая, напевала.
Мне повезло. Мне – не другим...
Так, видимо, судьба распорядилась:
Пришел отец с войны живым,
И счастье в нашем доме засветилось.
Ему сама открыла дверь,
Крючок едва достала с табуретки...
Я ясно помню и теперь:
В квартиру тесную вошли соседки.
Вот кто-то робко у порога встал,
Другой же тихо отошел в сторонку.
Как папа брился, кто-то наблюдал....
Соседкам сердце жгли скупые похоронки.
Мне повезло, а не другим.

Вот почему должна любить, трудиться
За тех, кто навсегда остался молодым
И чьим мечтам не удалось свершиться.
За то, что я сейчас живу,
Что я дышу, любуясь мирным небом,
Склоняю голову свою
В знак памяти твоих друзей, отец мой.

Копытова Галя (Маслова)
январь 1943г.

* * *

Я - дочь отца, прошедшего войну...
Вот почему люблю я тишину,
И смех детей, и радость тёплых встреч,
И от войны должна я мир сберечь.

Вот почему должна сказать вам, люди:
«Не надо больше залпов из орудий,
Не надо больше крови и свинца!"
Я - дочь прошедшего войну отца.

Что ж из того, что из рассказов знаю
Я о войне и о победе в мае?
Я ясно помню стоны вместо слов
Из уст и из души солдатских вдов.

Я ясно помню женщин полукруг,
Их скорбь и боль скрещенных рук,
Пришедших на отца взглянуть.
Скупые похоронки жгли их грудь.

Что ж из того, что из рассказов знаю
Я о войне и о погибших в мае? Я – мать,
И у меня есть сын и дочь,
Вот почему кричу войне я: "Прочь!"

* * *

*Ветеранам 6-ой Сивашской
танковой гвардии...*

И помнит Крым, и помнит Симферополь
6-ой Сивашской гвардии шаги.
Сквозь шквал огня, минуя все окопы,
Вперед колонны танковые шли.

Земля стонала, плакала береза,
От взрывов пенился, кипел Сиваш...
Там, позади, семья, что всех дороже,
Земля родная...

Ты их щит и страж!

Пришел победоносный день, желанный,
Хоть горек от потерь был и от слез,
Спасительный, весенний, долгожданный,
С салютом в небе, с шелестом берез...

Не забывают Крым и Симферополь.
Не забывают, головы склонив,
Почтить солдат и жен войны далекой,
Всех, кто погиб и кто остался жив.